

СОДЕРЖАНИЕ

Комната в башне.	9
Ужас в ночи	23
Канун Гавонова дня	33
На могиле Абдул-Али.	46
Кондуктор автобуса	62
Охота в Ахналейше	72
Как страх покинул длинную галерею.	90
Гусеницы.	107
Кошка	117
Человек, который зашел слишком далеко.	133
В темной тени	158
За дверью	170
Другая кровать.	179
Тварь в зале	191
Дом с печью для обжига	205
«И мертвые заговорили...».	217
Отверженная	238
Рог ужаса.	258
Махаон.	272
Negotium Perambulans.	289
На ферме.	306

Неисповедимые пути	321
Садовник	337
Сеанс мистера Тилли	352
Миссис Амворт	370
В метро	387
История Родерика	402
Святилище	419
Приемы по четвергам	444
Признание Чарльза Линкворта	458
Облако пыли	477
Сверхъестественные Малларды	493

Эти истории написаны в стремлении приятно пощекотать нервы читателю. Тот, кому случится на досуге развлечь себя чтением перед сном, когда за окном темно и дом спит, должно быть, не раз бросит взгляд в дальний угол комнаты, желая удостовериться, что в тени ничто не таится. Ведь это главная тема мистических рассказов, повествующих о мрачных незримых силах, которые порой проявляют себя самым пугающим образом. А посему автор горячо желает читателям с испугом провести время.

Э. Ф. Бенсон

КОМНАТА В БАШНЕ

Должно быть, каждому, кто постоянно видит сны, случалось хотя бы раз замечать, как события или обстоятельства сновидения впоследствии отражаются в материальном мире. Я ничуть не нахожу это странным; куда удивительнее было бы, если бы сны никогда не сбывались — ведь они, как правило, касаются известных нам людей и мест, с которыми мы совершенно естественно имеем дело в часы бодрствования. Несомненно, в сновидениях зачастую случаются абсурдные и фантастические вещи, которые вряд ли могут произойти наяву. Тем не менее простой расчет вероятностей говорит нам, что в случайном исполнении сновидения человека, постоянно видящего сны, нет ничего необыкновенного. Например, не так давно сбылся один мой сон, в котором я не нахожу ничего примечательного и психологически значимого. Дело было так.

Один мой друг, живущий за границей, столь любезен, что примерно раз в две недели пишет мне письма. Поэтому, когда с получения последнего письма прошло около четырнадцати дней, я, должно быть, сознательно или безотчетно стал ждать вестей от друга. Как-то раз на минувшей неделе мне приснилось, будто я поднимаюсь по лестнице переодеться к ужину, и тут раздается хорошо знакомый мне стук почтальона в дверь. Я спускаюсь и среди полученной корреспонденции обнаруживаю письмо от моего друга. Вслед за этим начинается

фантастическое: вскрыв письмо, я нахожу туз бубен, на котором прекрасно известным мне почерком друга нацарапано: «Отправляю тебе этот предмет на хранение, поскольку, как тебе известно, держать тузы в Италии — неоправданный риск». Следующим вечером я собирался уже идти наверх, чтобы переодеться, когда услышал стук почтальона, совсем как в моем сновидении. Среди писем нашелся конверт от моего друга, только туза бубен в нем не было. Обнаружся он там, я придал бы куда больше значения событию, которое в нынешних обстоятельствах представляется мне самым обыкновенным совпадением. Несомненно, я осознанно или подсознательно ожидал письма, и из этого ожидания родился сюжет моего сна. А мой друг, сознательно или безотчетно отметив, что не писал мне уже две недели, поспешил сесть за письмо. Однако порой найти объяснение бывает не так просто, и для следующей истории у меня нет разгадки. Из тьмы она пришла и во тьму вернулась.

Всю жизнь я вижу сны. Редкая ночь проходит без грез, а порой в моем спящем уме разворачивается целая цепочка самых невероятных приключений. Почти всегда они приятны, хотя зачастую незначительны. Рассказ же мой пойдет об исключении.

Когда мне было около шестнадцати лет, я впервые увидел один сон. Начинаясь он с того, что я стою перед дверью большого дома из красного кирпича, где мне, как я понимаю, предстоит остановиться. Открывший дверь слуга сообщает, что чай подан в саду, и ведет меня через обшитый темным деревом холл с невысоким потолком и большим открытым камином на веселый зеленый газон, окруженный цветочными клумбами. Там за чайным столом сидит небольшая компания. Никто из присутствующих мне не знаком, кроме одноклассника, Джека Стоуна, который, судя по всему, живет в этом доме. Джек

представляет меня отцу, матери и сестрам. Я несколько удивлен своему присутствию в этом обществе, так как едва знаком с Джеком Стоуном, никогда его не любил, да к тому же он покинул школу примерно за год до описываемых событий. День очень жаркий, и за столом царит уныние. На дальнем краю газона возвышается красная кирпичная стена с железной калиткой посередине, а за ней растет грецкий орех. Мы сидим в тени дома напротив высоких окон, за которыми виднеется накрытый стол, сверкающий стеклом бокалов и серебром приборов. С одной стороны заднего фасада возвышается трехэтажная башня, кажущаяся гораздо старше основного здания.

Вскоре миссис Стоун, до сих пор сидевшая, как и остальные, в полном молчании, говорит мне: «Джек покажет вам комнату. Я приготовила вам комнату в башне».

От этих слов у меня почему-то падает сердце, словно я предчувствовал, что мне достанется комната в башне, и там ждет нечто ужасное. Джек сразу же встает. В молчании мы проходим через холл, поднимаемся по широкой дубовой лестнице со множеством поворотов и наконец оказываемся на небольшой площадке с двумя дверьми. Джек открывает одну из них, вталкивает меня внутрь и захлопывает дверь. В этот миг я понимаю, что предчувствие меня не обмануло: в этой комнате таится нечто жуткое. Ужас поглощает меня, и я просыпаюсь с лихорадочно бьющимся сердцем. Этот сон в разных вариантах то и дело снился мне на протяжении пятнадцати лет. Чаще всего он повторялся в точности как описано выше: чай на газоне, гробовая тишина, в которой звучит смертельный приговор, восхождение с Джеком Стоуном по лестнице в башню, где обитает ужас, и паническое пробуждение в тот миг, когда я оказываюсь в комнате. Чем она грозит мне, я ни разу не увидел. Временами мне снились вари-

ции на ту же тему. Иногда, например, мы сидели за ужином в столовой, в окна которой я заглядывал, когда этот дом явился мне впервые. Но где бы мы ни находились, за столом неизменно царило молчание, уныние и зловещее предчувствие чего-то ужасного. И всегда молчание нарушалось словами миссис Стоун: «Джек покажет вам комнату. Я приготовила вам комнату в башне». После чего я неизменно был вынужден следовать за Джеком по дубовой лестнице со множеством поворотов и входить в комнату, которая с каждым посещением внушала мне все больший ужас. А то я обнаруживал себя за молчаливой карточной игрой в гостиной с огромными люстрами, заливающими комнату ослепительным светом. Что это за игра, я не имею ни малейшего представления. Помню лишь, как ощущал себя несчастным в ожидании того момента, когда миссис Стоун встанет и скажет: «Джек покажет вам комнату. Я приготовила вам комнату в башне». Гостиная находилась рядом со столовой и, как я сказал, всегда сияла огнями, в то время как остальной дом неизменно находился во мраке. И все же как часто я тщетно пытался разглядеть масть на картах, едва различимых в лучах этого ослепительного света! Да и сами карты были странные: ни одной красной масти, только черные, а иные карты закрашены черным целиком. Их я ненавидел и боялся.

По мере повторения сна я знакомился и с другими частями дома. Из гостиной коридор вел в курительную комнату с дверью, обитой зеленым сукном. В коридоре всегда царила темнота, и часто я сталкивался там с выходящим из курительной человеком, чьего лица не мог разглядеть. Персонажи этого сновидения претерпевали любопытные метаморфозы, словно живые люди. Миссис Стоун, например, при нашей встрече была черноволоса, а со временем поседела и уже не поднималась стремительно со словами «Джек покажет вам комнату. Я приго-

товила вам комнату в башне», а вставала очень медленно, словно силы оставили ее. Джек вырос в довольно несимпатичного молодого человека с коричневыми усиками, а одна из сестер перестала появляться за столом, и я понял, что она вышла замуж.

Потом сновидение оставило меня на шесть месяцев или даже долее, и я уже начал надеяться, что больше его не увижу, — такой необъяснимый ужас оно мне внушало. Тем не менее настала ночь, когда меня вновь повели на газон к чайному столу, и все присутствующие оказались одеты в черное, а миссис Стоун отсутствовала. Я догадался о причине, и сердце мое забилося чаще от радостной надежды, что теперь мне не придется спать в башне. И хотя обычно все мы хранили молчание, на этот раз я говорил и смеялся от облегчения, чего раньше не случалось. Но даже тогда мне было неуютно, поскольку остальные молчали и украдкой переглядывались. Вскоре мое красноречие иссякло, и чем ближе подходил час сумерек, тем мрачные предчувствия охватывали меня сильнее прежнего.

Внезапно тишину разорвал хорошо знакомый голос миссис Стоун, который произнес: «Джек покажет вам комнату. Я приготовила вам комнату в башне». Казалось, этот голос доносится со стороны калитки в красной кирпичной стене, окружающей газон, и, взглянув туда, я увидел, что земля за стеной усеяна надгробиями. Они светились странным сероватым светом, и на ближайшем из них я прочел: «Недоброй памяти Джулии Стоун». Как всегда, Джек встал из-за стола, и я последовал за ним через зал и вверх по лестнице со множеством поворотов. На этот раз тьма сгустилась до предела, и знакомые очертания мебели в проклятой комнате были едва различимы, а к тому же там стоял чудовищный запах тления, и я с криком проснулся.

Этот сон с описанными вариациями и метаморфозами время от времени повторялся на протяжении пятнадцати

лет. Порой я видел его две или три ночи подряд, однажды сновидение, как я упоминал, покинуло меня на полгода, однако в среднем, полагаю, приходило раз в месяц. Оно, очевидно, представляло собой подобие ночного кошмара и всякий раз завершалось чудовищным испугом, который не только не уменьшался, но и напротив, увеличивался раз от раза. К тому же сновидение было пугающе последовательным. Персонажи, как я уже упоминал, становились все старше, вступали в брак, даже смерть навестила это молчаливое семейство, и после кончины миссис Стоун больше не появлялась за столом, хотя именно ее голос всякий раз сообщал, что для меня приготовлена комната в башне, и, где бы мы ни находились — на газоне или в одной из комнат, выходящих окнами в ту сторону, — я всегда видел ее могилу сразу за железной калиткой. Замужняя сестра обычно не появлялась в доме и все же один или два раза присутствовала за столом вместе с мужчиной, которого я считал ее супругом. Тот, как и все остальные, хранил молчание. Однако из-за постоянного повторения я перестал задумываться об этом сне в часы бодрствования. С Джеком Стоуном я за все эти годы не встречался и ни разу не видел дома, похожего на мрачное здание из сна. А потом случилось одно событие.

В этом году до конца июля я был в Лондоне, а на первой неделе августа отправился погостить у друга в доме, который тот снял на лето в Суссексе, в Эшдаунском лесу. Я выехал из Лондона рано утром, чтобы встретиться с Джоном Клинтоном на станции Форест-Роу. Мы планировали весь день играть в гольф, а вечером отправиться к нему домой. Джон приехал на своем автомобиле, и, проведя чудесный день, мы в шестом часу двинулись в путь. Ехать предстояло около десяти миль. Поскольку было еще рано, мы не стали пить чай в клубе, а решили подождать до дома. Пока мы ехали, погода, до того бывшая восхити-

тельно свежей, хотя и жаркой, переменялась, стало очень душно и мрачно. Меня охватили дурные предчувствия, как всегда бывает перед грозой. Джон, впрочем, не разделял моего впечатления и приписывал мнящуюся мне мрачность погоды тому факту, что я проиграл оба матча. Однако дальнейшие события показали, что я не ошибся, хотя не думаю, чтобы разразившаяся ночью гроза была единственной причиной моей подавленности.

Наш путь лежал между высокими холмами, и вскоре я заснул. Разбудила меня тишина, наставшая, когда умолк мотор, и с внезапным трепетом — отчасти от страха, а в большей степени от любопытства — я обнаружил себя на пороге дома из своих сновидений. Мы прошли через холл с низкими потолками, обшитый панелями темного дерева, и вышли на газон, где в тени дома стоял накрытый к чаю стол. Газон окружали цветочные клумбы, вдоль одной стороны тянулась стена красного кирпича с калиткой посередине, а за ней среди некошенной травы возвышался грецкий орех. Чрезвычайно длинный фасад дома оканчивался трехэтажной башней, которая была заметно старше основного здания.

На этом сходство с моим повторяющимся сновидением пока что заканчивалось. За столом восседала не молчаливая и страшная семья, а большая развеселая компания, в которой я всех знал. Несмотря на ужас, который неизменно внушал мне этот сон, такое его воплощение ничуть меня не напугало, и я с любопытством ждал, что будет дальше.

Время чая прошло за веселыми разговорами. Наконец миссис Клинтон поднялась, и я немедленно понял, что она сейчас скажет. Обращаясь ко мне, хозяйка проговорила:

— Джон покажет вам комнату. Я приготовила вам комнату в башне.

На мгновение меня охватил знакомый ужас, однако быстро отступил, сменившись наисильнейшим любо-